

«Бесы» (1830)

Приходилось ли вам бывать в состоянии полной растерянности, потерянности, когда *теряется* мысль (и ты путаешься в словах) или дорога (и ты не знаешь, куда идти):

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!

И ты оказываешься в пустоте и мраке («Мутно небо, ночь мутна»). И бешено стучит в висках. И ищешь путь. И ходишь по кругу («В поле бес нас водит, видно, Да кружит по сторонам»). И на миг видишь вспышку света, из темноты выплывают очертания чьей-то фигуры и тут же исчезают («Там сверкнул он искрой малой И пропал во тьме пустой»). И бешеная круговерть вокруг создается тревожными повторами: «Мчатся тучи, выются тучи», «Мутно небо, ночь мутна». И ты сам то останавливаешься в оцепенении («Колокольчик вдруг умолк; Кони стали...»), то опять одичало несешься во мгле («Кони снова понеслись...»). И оставляют силы («Сил нам нет кружиться доле»). И человек отдается мутным образам и тягучим звукам, не зная, как выйти их кольца этого бесовского кружения. Нагнетаются зрительные образы кругов, расплывающихся «в мутной месяца игре», вновь сливающихся в причудливые фигуры. На фоне белеющих равнин кружатся, роятся, бешено летят во тьме «бесы разн». Нагнетаются и слуховые образы жалобного и визгливого завывания – бесов ли, вьюги ли, тревожного звона колокольчика, испуганного храпа лошадей. Повторяются гласные

а – а – у – и – у – а – у – и
(Мчатся тучи, выются тучи)
и – и – и – а – у – у – а
(Невидимкою луна)

Повторяются слова, повторяются даже целые строки, воссоздавая надрывную музыку этой драматической ночи. «Вьюга злится, вьюга плачет», «жалобно поют» бесы, и надрывается сердце человека в тоске, отчаянии и страхе:

Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

Напряженный ритм, то четкий, то запинаящийся, сбивчивый, торопливая скороговорка коротких фраз, коротких слов, противостояние образов непрерывной бесовской круговерти и тройки лошадей, то сливающихся с диким и беспорядочным мельтешением полупризрачных теней, то замирающих, вязнущих в снегу, - все это завораживает. Учащается дыхание, теснит грудь тревога. Физически осязаемо воссоздаются ощущения тяжести и легкости. Тяжесть тройки, проваливающейся в снег, вытесняется летящей легкостью бесплотных духов, вспыхивающих и гаснущих, скачущих, кружащихся, мчащихся, мелькающих, несущихся в бешеном бесконечном движении. А в финальных двух строках стихотворения эта бесовская невесомость сменяется почти материально давящей тяжестью человеческой тоски. Ср. омонимические значения: надрываться от тяжести – «надрывая

сердце мне».

В этой ночи все исполнено поэтического ужаса и тайны. И луна, не показывающаяся, но откуда-то освещающая полуирреальное пространство («Невидимкою луна Освещает снег летучий»). И неясные очертания предметов, едва различимых во тьме: «Что там в поле?» - «Кто их знает? Пень иль волк?» И фантастические причины жалобного пенья бесов: «Домового ли хоронят, Ведьму ль замуж выдают». И это слияние фантастического и реального, мути («Мутно небо, ночь мутна») и чистоты («Еду, еду в чистом поле»), тьмы, черноты и света луны, белизны равнин, ясного звука колокольчика. Есть ли другое стихотворение, в котором бы с такой силой передавались ощущения человека, сбившегося с пути, закружившегося от бесовского наваждения?! Бесы, призраки закрывают небо («Мутно небо»). И «в беспредельной вышине» видны только бесовские рои. И теряешься «во тьме пустой». И томишься в беспросветной тоске и ужасе. И какую же душевную стойкость нужно иметь, чтобы остаться только наблюдателем разыгравшихся стихий, чтобы не оказаться поглощенным бесовской игрой. Хаос, бушевание стихий, бесовские пляски царят вокруг захваченного вьюгой человека. Но бесы будут от вонне: «Вижу: духи собралися...» Душа же остается свободной. Визг и вой бесов «надрывают сердце», но человек мужественно выносит обрушившуюся на него тяжесть, не пуская бесовскую силу внутрь. Урагив «след» среди «неведомых равнин», видя «в беспредельной вышине» одни бесовские рои, поэт верит, что вьюга утихнет, мутное небо прояснится, дорога расчистится, обретется путь.